

Миша Элли

Термодинамика вечной
мерзлоты

Миша Элли

Термодинамика вечной мерзлоты

«Автор»

2026

Элли М.

Термодинамика вечной мерзлоты / М. Элли — «Автор», 2026

Михаэлю сорок пять. Он работает в бюро городского планирования Штутгарта, и его работа состоит в аккуратной «эвтаназии пространства»: он делает немецкие пригороды ещё более невыносимо удобными, расставляя скамейки под выверенным углом к велодорожкам. Этнический немец, увезённый семьёй с Урала в девяностые, он тридцать лет притворялся частью сытого западного мира. Но случайный звонок университетской подруги-историка, пишущей о Чердыни, взламывает его стерильную реальность. Дорога на север оказывается дорогой к тому, кого он тридцать лет старательно затирает. «Термодинамика вечной мерзлоты» — мрачная, ироничная и глубокая повесть о человеческом одиночестве, о кризисе европейской цивилизации и о попытке отмыть уральскую грязь, которая, кажется, оказалась гораздо прочнее немецкого мыла.

© Элли М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление:	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Миша Элли

Термодинамика вечной мерзлоты

«Главное — уметь смотреть сквозь заборы»

«Термодинамика вечной мерзлоты»

Миша Элли

© 2026 Михаэль Элли. Все права защищены.

Посвящается кандидату исторических наук Ольге Моревой (Екатеринбург) — моему другу, соратнику и человеку, благодаря которому родилась идея этой книги.

Оглавление:

Часть

I.

Геометрия

эвтаназии

(Главы

1–3:

Штутгарт,

Франкфурт, транзит до Перми и Икарус на север)

Часть

II.

Пермский

звериный

стиль

(Главы

4–9:

Прибытие

в

Чердынь, музей,

Татьяна,

поездка

в

Ныроб

к

романовским

оковам

и

возвращение в Пермь)

Часть

III.

Синдром

декомпрессии

(Главы

10–13:

Возвращение

в Штутгарт, цифровой тупик, посылка из Тагила, бунт Клары и открытый финал)

ЗАМЕТКА АВТОРА (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Эта повесть — попытка исследовать драму самоидентификации позднего переселенца. Это история о том, может ли человек, опустошенный цифровым и материальным комфортом

Запада, исцелить свою душу, столкнувшись лицом к лицу с суровой, хтонической подлинностью уральского севера.

2026, Бад Раппенау

Часть I.

Геометрия эвтаназии

Глава 1.

Проектирование пустоты

К сорока пяти годам я научился мастерски имитировать социальное присутствие. Моя работа в бюро городского планирования Штутгарта заключалась в том, чтобы делать немецкие пригороды ещё более невыносимо удобными. Я расставлял скамейки из переработанного океанического пластика под выверенным углом к велосипедным дорожкам. Это была аккуратная эвтаназия пространства. Жители были довольны, любые проявления страсти в них угасли ещё в начале двухтысячных, уступив место безопасным увлечениям — органическому инжиру и покупке электрокаров.

Клара позвонила в четверг, когда я выбирал оттенок серого для плитки на площади перед новой ратушей. Клара была историком — редкий вид человеческой фауны, выживающий на гранты для исследования культурного тупика Восточной Европы.

— Михаэль, ты ведь родился где-то там, на Урале? — её голос в трубке звучал с той фальшивой бодростью, за которой академические люди прячут усталость. — Я пишу статью о Чердыни.

— Представляешь, в сасанидской Персии чеканили серебряные блюда с изображениями царей, а через три тысячи километров, в глухой тайге, угрюмые люди в шкурах выменивали эти блюда на соболиные хвосты и зарывали в землю. Это же абсолютный сюрреализм. Торговая ось «Персия — Колва». Ты был там?

Я не был там. Я родился в Нижнем Тагиле, в семье российских немцев, чьи предки оказались на Урале по воле Екатерины II, а затем Иосифа Сталина. В 1995-м мы уехали в Германию. Мой отец плакал от счастья, получая первый паспорт ФРГ в лагере Фридланд. Он думал, что мы спаслись. Он не понимал, что мы просто сменили одну форму распада на другую, более опрятную.

Слова Клары про «закамское серебро» и реку Колву за занавеской уральского дождя застряли у меня в голове, как кость от дешёвой сельди. Ночью я открыл ноутбук.

Google-карты показывали Чердынь как финальную точку асфальта, за которой начинались бесконечные зелёные пиксели тайги. Население — четыре тысячи с небольшим. Город, который когда-то правил территорией размером с Францию, теперь весил в демографическом реестре меньше, чем один квартал во Франкфурте.

На одном из туристических сайтов я наткнулся на фотографию местной деревянной избы. Из её крыши рос молодой борщевик Сосновского — гигантский тоталитарный сорняк, победоносно доедающий остатки русской деревянной цивилизации.

Борщевик выглядел живым. Гораздо более живым, чем туя на моем балконе в Штутгарте.

Я закрыл сайт бронирования билетов Люфтганзы. Прямых рейсов в Пермь, разумеется, давно не было. Мир снова стал огромным и неудобным. Это было приятное забытое чувство.

Глава 2.

Транзитная

**зона
и
персидские
блюда**

Мы встретились с Кларой в «Café Hauptwache» во Франкфурте. Это было стерильное заведение, где пахло дорогим эспрессо и духами банковских клерков, чья жизнь регулировалась ставками Европейского центробанка. Клара выглядела как типичный немецкий доцент на пороге пятидесятилетия: шарф из органического хлопка, дорогие очки в роговой оправе и лицо женщины, которая окончательно смирилась с тем, что коты — более надежные компаньоны, чем мужчины.

Она выложила на стол распечатки. Это были черно-белые снимки сасанидских серебряных блюд, найденных на Урале в XIX веке. На одном из них царь Шапур II пронзал копьем дикого кабана. Серебро потемнело от времени, но контуры были безупречны.

— Понимаешь, Михаэль, — Клара отхлебнула свой обезжиренный латте, — эти вещи делали в Ктесифоне. В самом сердце персидской роскоши. А потом их везли на лодках через Каспий, вверх по Волге, Каме, Вишере, Колве... Зачем? Чтобы дикие лесные люди, которые даже не знали письменности, приколотили это блюдо к священному дереву и брызгали на него кровью жертвенного оленя. Из Сасанидской империи — в Чердынь. Это не торговля, Михаэль. Это какая-то космическая диффузия смыслов.

Капитал всегда стремится туда, где холоднее всего.

Я смотрел на Шапура II, целящегося в кабана, и думал о том, что штутгартское отделение Deutsche Bank занимается примерно тем же самым: перекачивает цифровое серебро туда, где человеческая жизнь окончательно превратилась в сухую статистику.

Через три недели я взял отпуск. Официально — по семейным обстоятельствам. Коллеги в бюро понимающе кивали, они думали, что я еду лечить нервы в Баден-Баден или, в крайнем случае, на Майорку.

Мой маршрут напоминал логистический кошмар эпохи позднего капитализма: Франкфурт — Стамбул — Пермь. Мир, некогда сжавшийся до размеров одного клика в смартфоне, внезапно снова стал шершавым, огромным и враждебным.

Когда самолет из Стамбула пошел на посадку в Большом Савино, под крылом расстелилась бесконечная, черная октябрьская ночь. Огни Перми казались редкими и тусклыми, словно угли догорающего костра, разбросанные по тайге. В терминале пахло сыростью, дешевым бензином и тем особым, ни с чем не сравнимым уральским воздухом, в котором отчетливо чувствовался привкус металлургической пыли и торфяных болот. Это был запах моего детства, от которого меня так тщательно отмывали в лагере для переселенцев тридцать лет назад.

Я снял номер в гостинице «Урал» — монументальном советском чудовище, которое попытались обновить с помощью дешевого гипсокартона и светодиодных лент. В холле стояло гигантское чучело бурого медведя, у ног которого лежала бутфорская пластиковая малина. Медведь смотрел на меня со стеклянной, тупой укоризной.

В баре отеля я заказал водку. Она была ледяной и безвкусной, как дистиллированная вода. Рядом со мной двое мужчин в строгих костюмах — судя поговору, местные нефтяники или чиновники средней руки — громко спорили о поставках бурового оборудования из Китая. Глобализация доползла и сюда, но здесь она выглядела как грубый макияж на лице старого заводского рабочего.

Я открыл окно в номере. С Камы дул резкий, пронзительный ветер. Где-то там, в трехстах километрах к северу, во тьме текла Колва, увлекая за собой палые листья и обломки древних барж. Завтра утром меня ждал междугородний автобус до Чердыни. Пять часов по асфальту, который, как предупредила меня Клара, постепенно растворяется в пространстве.

Я лег на жесткую кровать, не раздеваясь. Впервые за много лет у меня не болела голова. Экзистенциальный тупик Европы остался позади; здесь начинался тупик совсем другого масштаба — огромный, монолитный и абсолютно равнодушный ко мне.

Глава 3.
Асфальтовая
эрозия
и
геополитический
тупик

Пермский автовокзал в семь утра напоминал декорации к фильму о затяжной техногенной катастрофе. Воздух был плотным от выхлопных газов древних корейских автобусов и запаха пережаренного в прогорклом масле теста — местные ларьки предлагали «посикунички», маленькие пирожки, из которых при надкусывании брызгал горячий жирный бульон. В этом была своя, почти животная честность.

Мой автобус до Чердыни оказался потрепанным «Икарусом» неопределенного возраста. Салон пах сырой шерстью, соляжкой и ментоловым табаком. Моим соседом по сиденью оказался бледный парень с эмблемой охрannого предприятия на куртке; он мгновенно заснул, уткнувшись носом в воротник, отрезая себя от реальности с профессиональной легкостью человека, чья жизнь состоит из двенадцатичасовых смен созерцания мониторов.

Мы двинулись на север. Асфальт, бывший в черте города относительно гладким, за Березниками начал сдаваться. Русская дорога — это вообще живой организм, активно сопротивляющийся человеческому вмешательству. Она трескалась, шла волнами, обнажая грунт, словно пыталась сбросить с себя этот тонкий слой цивилизации.

Каждые сто километров скорость падала.

Я смотрел в грязное окно на проплывающий мимо пейзаж. По обе стороны тянулась Парма — бесконечная, монотонная хвойная стена, прерываемая редкими, полузаброшенными рабочими поселками. Деревянные бараки с черными от сырости крышами выглядели как естественные наросты на теле тайги.

Где-то после Соликамска я вытащил из кармана распечатки, которые дала мне Клара. Из ее заметок следовало, что мы едем по следам великого исторического парадокса. Чердынь — бывшая столица Перми Великой. В XV и XVI веках этот крошечный пятachок земли на холмах выдержал одиннадцать осад вoгулов и татар и ни разу — ни единого раза! — не был

взят штурмом. Это была неприступная цитадель, сожравшая тысячи жизней ради того, чтобы Москва могла закрепиться за Уралом.

А потом наступил 1597 год. Год, когда некий посадский человек Артемий Бабинов проложил свою знаменитую сухопутную дорогу в Сибирь. Бабиновская дорога пустила всю сибирскую торговлю в обход Чердыни. Пушнина, золото, китайский шелк — всё, что наполняло кровью вены этого города, внезапно потекло по другому руслу, южнее.

Для историка это была экономическая трагедия. Для меня — высшая форма поэтической справедливости. Лишив Чердынь геополитического значения, Бабинов подарил ей взамен вечность. Этот экономический «тупик» спас город от сталинской индустриализации, от гигантских заводов-монстров, которые изуродовали остальной Урал. Чердынь просто законсервировалась. Время здесь не остановилось, оно потеряло направление, превратившись в стоячее болотное озеро.

Автобус глухо затормозил перед мостом. За окном в блеклом свете дня показалась Колва. Вода в ней была свинцово-серой, тяжелой. На дорожном указателе, покрытом слоем серой грязи, проступили буквы:

Ч Е Р Д Ы Н Ь.

Охранник рядом со мной проснулся, зевнул, обнажив желтоватые зубы, и перекрестился на показавшиеся впереди купола полуразрушенной церкви. Телефон в моем кармане пискнул и потерял сеть 4G, окончательно перейдя на формат блеклой буквы «Е». Капиталистический мир потерял меня. Это было почти физическое облегчение.

Часть
II.

Пермский звериный стиль
Глава
4.
Фигурные

**перфорации
и
призрак
Марлен**

Чердынская автостанция встретила меня запахом мокрого дерева и остывающего угольного шлака. Здесь не было пассажиров, кроме меня и пары молчаливых старух в шерстяных платках. Когда «Икарус» с тяжелым вздохом уехал обратно в сторону Соликамска, тишина обрушилась на меня с плотностью подушки. Это была не европейская тишина курортного спа-отеля, регулируемая тройными стеклопакетами, а первобытное безмолвие пространства, в котором человек — лишь временный и не самый удачный эксперимент.

Я потащил свой чемодан на колесиках по деревянным настилам, выполнявшим здесь роль тротуаров. Колесики безнадежно застревали в щелях между серыми, вымытыми дождями досками. Вокруг стояли двухэтажные купеческие дома: низ — массивный каменный, верх — потемневший от времени лиственничный сруб. Многие окна были заколочены крест-накрест. Город выглядел как декорация, которую забыли разобрать после съемок исторического фильма, а актеры будто давно умерли от старости.

Местная гостиница — безликое кирпичное здание эпохи развитого социализма — предлагала одноместные номера с удобствами в конце коридора. Женщина на ресепшене, чье лицо выражало высшую степень казенного равнодушия, долго изучала мой немецкий паспорт, словно пыталась расшифровать клинопись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.